

УДК 93/94

DOI 10.26456/vthistory/2024.2.053–067

**«Рассказ из испытанного и виденного учеником»:
сочинения в системе духовного образования
после реформы 1867 года ¹**

Ю.А. Сафронова

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование посвящено письменным работам воспитанников духовных семинарий. Первая часть статьи рассматривает регулирование письменных работ в документах Учебного комитета при Св. Синоде после реформы 1867 г. Анализируются представления чиновников о правильной ученической работе, а также разнообразные нарушения, выявленные в ходе ревизий духовных семинарий. Вторая часть работы сосредоточена на сочинениях семинаристов, написанных по курсу теории словесности или в качестве задания, данного ревизором Учебного комитета. Для анализа были выбраны рассказы из семейного или школьного быта, в том числе на тему «как я выучился читать». Основной вопрос заключается в том, были ли эти тексты результатом наивной фиксации жизненного опыта или отсылали к литературным образцам, известным их авторам. В целом ряде случаев в сочинениях можно обнаружить влияние художественной литературы, в том числе прямо запрещенной семинаристам. Таким образом через сочинения рассматривается читательский опыт духовных воспитанников, воспроизводивших модели, заимствованные из популярных художественных текстов, в первую очередь «Очерков бурсы» Н.Г. Помяловского.

Ключевые слова: история чтения, история образования, преподавание словесности, реформа духовно-учебных заведений 1867 г., духовная семинария.

Школьные сочинения второй половины XIX в., как правило, привлекают внимание историков образования, интересующихся методическими и педагогическими аспектами в развитии письменной речи воспитанников средних учебных заведений². Обращаясь к рекомендациям по их составлению, разработанным в министерских кабинетах и педагогической периодике, исследователи редко анализируют результаты этой деятельности, т.е.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520 <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

² *Рейт А.В.* Сочинения гимназистов для литературных бесед в 1840–1860-е гг.: анализ тематики // Известия ВГПУ. 2016. №8 (112). С. 30–38.

непосредственно тексты письменных работ. Между тем, как справедливо указывает Д. Роуз, «интеллектуальный опыт настоящих учеников» может быть очень далек от того, что предполагают бюрократы, создающие учебные программы, и учителя, работающие с ними³.

В отличие от других типов источников личного происхождения школьные сочинения крайне фрагментарно представлены в архивах именно потому, что их авторы не видели смысла хранить свои работы, а иногда даже намеренно уничтожали, негодуя из-за низкой оценки или неприятных комментариев учителя⁴. Исследователи чтения гимназистов и реалистов Р. Лейбов и А. Вдовин сетуют на то, что от школьных сочинений, которые могли бы сказать о «стандартных интерпретациях текстов и отклонениях от них», сохранились только темы⁵. Восполнить этот пробел хотя бы отчасти можно, обратившись к сочинениям воспитанников духовных учебных заведений. Отчёты ревизоров Учебного комитета Синода содержат как общие обзоры письменных упражнений, так и обширные выдержки из них. Анализ фрагментов сочинений, посвящённых домашнему и школьному опыту воспитанников семинарий, позволяет не только уточнить представления о повседневности духовно-учебных заведений, как правило, известной по воспоминаниям⁶, но и через поиски литературных образцов увидеть читательский опыт их авторов.

Важность сочинений как одного из основных элементов системы духовного образования была зафиксирована Уставом 1867 г. в § 134: «С классным обучением должно быть соединяемо упражнение учеников, по возможности чаще, в сочинениях, сопровождаемых всегда обстоятельным разбором со стороны учителей»⁷. Озабоченность качеством письменных работ выразилась в ряде циркуляров и определений Синода. Всего с 1868 по 1873 гг. было разослано двенадцать документов, регулирующих эту область духовного образования⁸. В основном циркуляры касались внешней стороны вопроса: выбора тем, приёмов проверки, значения сочинений при выводе общей оценки

³ *Rose J.* The History of Education as the History of Reading // *History of Education*. 2007. Vol. 36. № 4–5. P. 595.

⁴ Например, воспитанник Тифлисской духовной семинарии изорвал и бросил в отхожем месте свое сочинение на тему «Какие сведения ученики приобретают при изучении русской словесности» // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 17. Д. 68. Л. 80 об.

⁵ *Leibov R., Vdovin A.* What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Ed. D. Rebacchini, R. Vassena. Vol. 2. Milano: Ledizioni, 2020. P. 270.

⁶ *Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России XIX века по воспоминаниям выпускников // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2016. № 3. С. 4–16.

⁷ Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867.

⁸ Собрание постановлений Святейшего Синода относительно устройства духовных семинарий и училищ согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб.: Синодальная типография, 1875. С. 94–97.

по предмету и т. д. Требования к содержанию формулировались реже и были более абстрактными. Так, циркуляр от 25 июня 1869 г. призывал учителей «приучать учеников к составлению сочинения прямо на предмет, без уклонения от темы... строго преследовать буквальные заимствования»⁹.

Как и во многих других случаях, расплывчатые указания Устава 1867 г. можно было интерпретировать по-разному. В результате в первые годы после реформы в ряде семинарий «сочинения» писали по математике и физике, к ним же относили переводы с классических языков. Понадобились специальные разъяснения, чтоб отделить письменные упражнения, дававшиеся на короткий срок, от собственно сочинений. Разнообразными были представления учителей об объёме письменных работ и их содержании. В одних случаях преподаватели высоко оценивали компактные сочинения, в которых авторы сочетали глубину мысли с краткостью изложения, в других, напротив, более высокую оценку получали объёмные работы. Первая система существовала в Архангельской семинарии, где правление пошло по пути ограничения: «в низшим отделении в 1 год курса от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ листа, во 2 год не более $\frac{3}{4}$ лист[а], в среднем отделении от одного до полутора листов, в высшем не более 2 листов»¹⁰. Второй подход к сочинениям ревизор И.К. Зинченко нашёл в Волынской семинарии. Ученики младших классов писали «слишком обширные» сочинения на 10 и даже 14 листов, неизбежно превращая их в рефераты¹¹.

В 1875 г. Учебный комитет разослал в подведомственные учебные заведения Журнал заседания от 29 мая 1875 г., посвящённый «мерам для улучшения письменных сочинений воспитанников»¹². Подводя итоги первых лет реализации реформы 1867 г. на основании наблюдений ревизоров и результатов приемных экзаменов в духовные академии, Учебный комитет констатировал «упадок» письменных работ. Интересно, что из первоначального текста была вычеркнута фраза о том, что именно сочинения составляли «одну из лучших сторон старого семинарского образования». В финальную версию вошел тезис, что негативные процессы, начавшиеся до реформы, сохраняются и после преобразования семинарий¹³.

Ревизоры отмечали качественные изменения как в форме, так и в содержании письменных работ после реформы. Так, в 1871 г. И.К. Зинченко описал дореформенные сочинения, подготовленные по правилам классической риторики как «бедные по мысли, но полные определений, разделений и под-

⁹ Собрание постановлений Святейшего Синода относительно устройства духовных семинарий и училищ согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб.: Синодальная типография, 1875. С. 95.

¹⁰ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.): Отчет. СПб., 1870. С. 42.

¹¹ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Волынской епархии (1871 г.). СПб., 1872. С. 80.

¹² РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 2 об.

разделений; силлогизм был господствующей формой мышления; округленность полных периодов, при скудости их содержания и отвлеченности мышления, делали речь тяжелою и сухою». Работы воспитанников реформированных семинарий также не вызывали у него восторга: «Не автор располагает свои мысли в известном порядке, а сами мысли располагаются, как придется...»¹⁴. Ему вторил М.Х. Григоревский, разбиравший сочинения минских семинаристов в 1874 г.: «не вдумываются в предмет и не дают себе строгого отчёта в тех мыслях, которые возбуждаются в их уме; напротив, представления у них вяжутся сами собой, по законам ассоциации»¹⁵. При этом ревизоры не предлагали вернуться к схоластике. Они считали, что все недостатки письменных работ проистекают из-за отсутствия внимания к ним со стороны учителей и излишне снисходительной системы оценивания.

Внимание ревизоров к письменным работам объясняется тем, что сочинения были инструментом проникновения во внутренний мир воспитанников. И.К. Зинченко в отчёте о ревизии Казанской духовной семинарии утверждал, что в сочинениях «больше всего и свободнее всего высказывается умственная самостоятельность учеников»¹⁶. Отношение к сочинениям как к средству выявления сомнительных идей или материалистических убеждений особенно ясно видно в резюме С.В. Керского по поводу работ ярославских воспитанников: «в письменных ученических упражнениях не усматривается никаких следов направления, не согласного с задачами и целями духовного образования»¹⁷. Таким образом, хотя отчёты ревизоров дают уникальный материал, одну из проблем при работе с ними составляет отбор цитат. Поскольку задачей ревизий было выявление и исправление недостатков образования и воспитания, чиновники Учебного комитета цитировали сочинения, беспокоившие их по каким-либо причинам, не всегда уточняя, составляют они типичный образчик или исключительный случай. Вследствие этого семинаристы кажутся более неграмотными, с одной стороны, и более увлеченными материалистическими идеями, с другой.

Очевидно, у членов Учебного комитета были представления об идеальной письменной работе, но в помощь преподавателям они могли рекомендовать только «Письменные упражнения, руководство к ведению и составлению ученических сочинений в средних учебных заведениях» И.В. Гаврилова (1872), «единственное» пособие на русском языке¹⁸. При этом подход к сочинениям был крайне узким: от письменных работ семинаристов «...не следует ожидать ни новизны или оригинальности мыслей... ни

¹⁴ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии (1871 г.). СПб., 1871. С. 39, 41.

¹⁵ Григоревский М.Х. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Минской епархии. 1874 г. СПб., 1875. С. 11.

¹⁶ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии 1871 года. СПб., 1872. С. 25.

¹⁷ Керский С.В. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Ярославской епархии в 1873 году. СПб., 1877. С. 67.

¹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 27 об.

изящества языка, для приобретения которого нужно не только учение, но и особенное дарование...»¹⁹. Такая формулировка была направлена против распространенного, особенно среди молодых учителей, отношения к сочинениям как к подготовке воспитанников к будущему литературному поприщу. С точки зрения чиновников Синода, педагогическую ошибку составляло поощрение «преждевременного авторства», т. е. превращение учебных работ в литературные или научные труды.

Отдельное беспокойство ревизоров вызывало влияние светской журналистики на стиль и содержание сочинений. Например, И.К. Зинченко обратил внимание, что черниговские семинаристы сдавали работы по частям, «с отметкой, как в периодических изданиях: продолжение вперед»²⁰. Журналистскую манеру письма отмечал С.В. Керский при ревизии Вологодской семинарии: «... легкий фельетонный язык, отсутствие серьезности и сосредоточенности мысли, логичности и сжатости изложения и разглагольствования, имеющие отдаленное отношение к данной теме»²¹. С.И. Миропольский в отчете о ревизии Калужской семинарии зафиксировал не только аналогичное впечатление, но и привёл ряд цитат из сочинения ученика 6 класса на тему «Пастырь Церкви Христовой должен быть учителем»: «автор требует, чтобы священник был знаком “со всеми отраслями естествознания” (легкое дело!) И при том “глубоко, вполне научно”; далее говорит, что доселе пастырю-де “не доставало критического анализа для поверки (sic) и объяснения мировых явлений” (!?) и т.д.». Реагируя на «легкомыслие и пустоту» сочинения, оцененного учителем на 4 и «смотренного» ректором, С.И. Миропольский сформулировал идею о несовместимости предмета сочинения и «претензий» автора на «шик», «всего менее приличных там, где дело идет о пастырском служении и его задачах»²². Таким образом, от семинаристов требовалось не только знание законов логики и приёмов риторики, но и следование определённой стилистике, «приличной» обсуждаемым предметам.

Отношение самих семинаристов к сочинениям радикально отличалось от семинарии к семинарии. Например, в Могилевской семинарии баллы за сочинения не учитывались при выставлении общих оценок за курс, в результате некоторые ученики выпускались из семинарии в первом разряде, не сдав в течение года ни одной письменной работы²³. Неподача сочинений конкретному учителю по предварительному сговору, как это произошло в

¹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 17 об.

²⁰ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Черниговской епархии, произведенной с 3 мая по 4 июня 1870 г. в видах приготовления оных к полному преобразованию по высочайше утвержденным в 14 день мая 1867 года уставам и штатам. СПб., 1870. С. 16.

²¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 46. Л. 37.

²² Миропольский С.И. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Калужской епархии (в 1873-1874). СПб., 1874. С. 4.

²³ Григоревский М.Х. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Могилевской епархии в 1874 году. СПб., 1875. С. 9–10.

Архангельской семинарии в 1872 г., была формой протеста воспитанников против непопулярного учителя²⁴.

На другом полюсе находились воспитанники семинарий, видевшие в составлении сочинений подготовку к будущей карьере вне духовного ведомства. Основным ориентиром для них были публицисты и писатели – выходцы из духовного сословия, не только Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, но и Н.Г. Помяловский, В.Г. Старостин и т.д. В таких семинариях воспитанники стремились не только писать сочинения по образцу статей известных журналистов, но и брали на себя дополнительную работу. Так, ученики Харьковской семинарии, обратившись к правлению за разрешением на создание рукописного журнала, объясняли свой проект желанием «привыкнуть к научно-умственной работе»²⁵. Реакция Учебного комитета на литературные журналы семинаристов, наполненным «незрелыми произведениями ученического пера», была крайне негативной²⁶.

Хотя Учебный комитет неоднократно подчёркивал, что письменные работы в равной мере обязаны контролировать все учителя, особая роль закономерно отводилась преподавателю словесности. «Программа по теории словесности для духовных семинарий» в качестве задачи курса ставила выработку «сознательного навыка к свободному и письменному выражению мыслей в надлежащей полноте, связности и отчетливости»²⁷. В отличие от остальных предметов, темы сочинений по которым были связаны с изучаемым курсом, для работ по словесности важна была форма: ученики тренировались в изложении, составлении описаний и рассказов. Как правило, учителя отдавали предпочтение темам «из близкой и известной им (семинаристам. – Ю.С.) среды»²⁸. Такой подход был закреплён в программе, где был перечислен ряд образцовых тем: описание «известных ученику предметов, напр[имер] местных обычае в разные времена года, в праздничные дни, при разных сельских работах», и рассказ «из испытанного и виденного учеником, напр[имер] как он учился грамоте, какие были любимые его игры; как он провел каникулярное время; виденное им замечательное событие; испытанное им по какому-либо случаю чувство; поездка в город; прошлые святки или какой-либо праздник»²⁹. Журнал 28 мая 1875 г. в очередной раз подтвердил принцип формулировки тем: «Пусть ученики пишут и говорят то, что действительно знают, или что сами видели и сами испытали, тогда явится и

²⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 151.

²⁵ *Зинченко И.К.* Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). СПб., 1875. С.10.

²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 6.

²⁷ Научно-справочная библиотека (далее – НСБ) РГИА. Печатные записки. Папка 5461. С. 6.

²⁸ *Керский С.В.* Преобразование духовно-учебных заведений Кишиневской епархии: (В 1868 г.). СПб.; 1871. С. 21.

²⁹ НСБ РГИА. Печатные записки. Папка 5461. С. 5.

больше правды, искренности жизни в этих работах»³⁰. В результате в «описания» и «рассуждения» семинаристов попадали сведения о жизни в семье и об учёбе, представляющие собой уникальный материал, в отличие от автобиографий, синхронный времени создания и претендующий на «правдивость и искренность».

Несмотря на апелляцию к жизненному опыту воспитанников, предполагалось, что они сначала изучают образцовые сочинения русской литературы, а затем пишут свои. Так, в Новгородской семинарии перед работой над сочинением «Воспоминания о детстве, какие у кого сохранились» ученики читали в классе отрывки из сна Обломова³¹. В Вологде для подготовки к сочинению «Лето в деревне» изучался отрывок «Лес и степь» И.С. Тургенева из хрестоматии А.Д. Галахова³². Таким образом, хотя ученики должны были составлять описания своей жизни, они изначально не были свободны от литературных образцов. Как будет показано далее, в их сочинения проникали не только одобренные учителями примеры, но также сюжеты и приёмы, выработанные писателями-реалистами при изображении жизни воспитанников духовных учебных заведений, в том числе их запрещенных семинаристам сочинений.

Хотя учителя могли формулировать темы письменных работ самостоятельно, чаще всего они ориентировались на программу по теории словесности. Особенно это заметно в связи с систематическим появлением темы «как я выучился читать» в разных семинариях. Ее также любили давать ревизоры во время проверок, иногда в расширенной формулировке «Как я выучился читать и что я читал»³³. В 1872 г. ревизор С.И. Миропольский при проверке Олонецкой семинарии дал её ученикам среднего отделения. В результате он получил сочинения «скудные по содержанию», «неудовлетворительные по изложению» и в большинстве случаев «безграмотные». Первоначальное обучение чтению, описанное в них, было определено петербургским чиновником как «первобытное». Оно велось букварным методом (самих семинаристов на занятиях по педагогике учили звуковому методу), начиная «с азоров», затем «по слогам», по трём «пособиям» - церковнославянскому букварю, часослову и псалтыри. За два года дети приобретали навык механического чтения, т.е. могли вслух произносить слова, которые видели в книге, но не понимали читаемого: «отец объяснял мне», пишет Б., «чего я не понимал в псалтыри; но я не понимал в нем почти ничего». Особенно поразили ревизора описания жестокости в сочинении ученика В., которого учил отставной солдат. Учитель выстругал указку, чтобы показывать буквы, «...а буди указка затеряется, то солдат “выругает и еще больше *отдерет* (sic)

³⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 14. 1875. Д. 9. Л. 23.

³¹ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Новгородской епархии (в 1870 г.): Отчёт. СПб., 1870. С. 62.

³² Преобразование духовно-учебных заведений Вологодской епархии: Отчёт за 1869 г. СПб., 1869. С. 53.

³³ Миропольский С.И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии (в 1872 г.). СПб., 1875. С. 66.

[здесь и далее курсив авторов. – Ю.С.], потому что он твердо убежден был, что это указка - талисман, без которого невозможен успех»³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что ревизор не ставил вопросов ни о степени искренности учеников, ни о точности их описаний. Для С.И. Миропольского сочинения объясняли то, что он видел в семинарии. Буквально заучивая текст учебника словесности, олонецкие семинаристы не понимали в нем отдельных слов. Например, после цитаты «в лирике преобладает чувство», спрошенный ревизором ученик сказал, что чувство – это «орган»; «“Кровь точил” – переводили “пил кровь”»³⁵. Неспособность к пониманию текста учебника, а также катастрофическая нечитанность («... дома дети вообще *ничего* не читали»³⁶) служили ревизору гарантией наивной точности их рассказов об обучении чтению.

Интересно сопоставить его наблюдения с анализом сочинений на ту же тему, написанных по заданию учителя словесности в 1871 г. в Казанской духовной семинарии. Ревизор И.К. Зинченко привёл обширный фрагмент в подтверждение непедагогичного отношения учителя к сочинениям. Вместо рассказа «Как я учился грамоте» ученик большую часть сочинения посвятил поступлению в Чистопольское духовное училище и первый день в нём. Ревизор процитировал фрагмент, как учитель, «походив немного, начал говорить, обращаясь к нам: - “Смотрите, учитесь как можно лучше, да еще ведите себя хорошо, иначе я буду вас наказывать розгами”... Почти все так, как я описал, шло мое первоначальное учение грамоте»³⁷. Оценку этой работе Зинченко дал в отдельном параграфе отчёта «Направление умственного развития воспитанников». Он утверждал, что такие сочинения нельзя оценивать на «отлично», т. к. они подрывают авторитет наставников. При этом, поскольку он уже успел посетить Чистопольское училище, то должен был признать, что описание точно³⁸. Тем не менее, с его точки зрения, рассказ не был результатом наивной искренности неопытного сочинителя. Он был частью опасной тенденции в образе мыслей казанских семинаристов: «часто встречаются описания красных носов, лысых голов и т. п. своих прежних учителей»³⁹. По мнению И.К. Зинченко, от критики учителей, поощряемой высокими баллами, легко перейти к критике системы духовного образования, которая «может обратиться в привычку ума». В этом случае ревизор также ориентировался на свои наблюдения за семинаристами: «У учеников среднего отделения встречаются ссылки на “ученого Бокля”, Гексли и др.,

³⁴ Миропольский С.И. Преобразование духовно-учебных заведений Олонечкой епархии. С. 67.

³⁵ Там же. С. 55.

³⁶ Там же. С. 68.

³⁷ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии. С. 27.

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ Там же. С. 29.

чение которых не согласно с задачей образования в духовно-учебных заведениях»⁴⁰. Таким образом, схожие по содержанию сочинения в одних случаях были наивной регистрацией опыта учеников, не умевших соблюдать соответствие предмета и изобразительных средств, а в других – результатом приверженности к критическому реализму, опасному для молодого ума.

Хотя И.К. Зинченко писал, что легко может указать, из каких светских периодических изданий воспитанники черпают идеи, чтобы «в нелепом виде представить и те принципы, которые проводят в их сознание наставники»⁴¹, он не ставил вопроса о том, где они берут образцы для карикатурного описания учителей. Разумеется, самый очевидный источник – «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского (1863), где каждый учитель был представлен в момент появления в классе: «господин огромного роста, в коричневой шинели» (Лобов); «тоже огромного роста господин; он был человек чахоточный и раздражительный и строг до крайности... ругался он в классе до того неприлично, что и сказать нельзя» (Долбежкин) и т.д.⁴². В процитированном сочинении казанского семинариста были даны описания двух учителей, также входящих в класс: первый «высокого роста, с суровыми чертами лица и нахмуренными бровями» и второй «среднего роста, с худощавым лицом и большими глазами, глядевшими исподлобья», причем именно второй при входе кричал на старшеклассников: «вы опять здесь, свиньи»⁴³. С подобного описания учителя начинается и другой текст о духовном образовании – повесть И.С. Никитина «Дневник семинариста» (1861). Она открывается почти аналогичной сценой: «Алексей Степаныч, коренастый, с черными нахмуренными бровями и такой рябой и корявый, что смотреть скверно... “Не знаешь, мерзавец! – зарычит учитель, – к порогу!...” И начнётся, бывало, жаркая баня...»⁴⁴. Повесть была упомянута в сочинении, сданном учителю словесности воспитанником Харьковской семинарии: «... тяжелое впечатление произвёл на меня “Дневник семинариста”.... Читаешь и тебе больно становится за тех бедных, которые терпят такую муку, которых так коверкают, что семью лопатами не откопаешь всякой наносной дряни, чтобы добраться до цельного человека»⁴⁵.

В отличие от повести Никитина «Очерки бурсы» были прямо запрещены в духовных семинариях, как и многие другие произведения, а также периодические издания. Так, С.В. Керский среди проступков воспитанников

⁴⁰ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии. С. 30.

⁴¹ Там же. С. 29.

⁴² Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml

⁴³ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии. С. 27.

⁴⁴ Никитин И.С. Дневник семинариста. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0020-1.shtml

⁴⁵ Зинченко И.К. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии. С. 19.

Костромской духовной семинарии, отмеченных в журналах правления, выявил два случая чтения «недозволенных книг» за 1872/73 учебный год: «один читал “Бурсу” Помяловского, а другой роман “Не хочу учиться хочу жениться”»⁴⁶. С другой стороны, множество фактов подтверждает знакомство семинаристов с этим текстом, к началу 1870-х гг. уже не считавшимся литературной новинкой. Выпускник Архангельской семинарии Андрей Титов описывал ужесточение порядков в письме 1872 г.: «Чуть ли бурса, придавленная новой дисциплиной, не входит в свои права времен Помяловского»⁴⁷. Отсылки к «Очеркам бурсы» есть даже в отчетах ревизоров. В разделе о воспитательной части Челябинского духовного училища С.И. Миропольский, процитировав записи о проступках из книги поведения, («сковеркал (sic) самую лукавую насмешливую гримасу», «скакал сзади на малютку Б., потом поставивши на четвереньки, заставил везти себя»), резюмировал: «Так и веяло от всего этого старою бурсой»⁴⁸. Л. Манчестер, опираясь на автобиографии выходцев из духовного сословия, утверждает, что «... все поповичи использовали “Очерки” в качестве отправной точки, сравнивая с ними свой собственный опыт»⁴⁹.

Возможное сходство сочинений на тему «Как я выучился читать» и «Очерков бурсы», как и пристальное внимание авторов сочинений к теме насилия, не проблематизировалось ревизорами, т. к. в обоих случаях подтверждалось их наблюдениями за жизнью учебных заведений. Между тем чиновники Учебного комитета были способны поставить вопрос о «правдивости» рассказов семинаристов. И.К. Зинченко задал его, анализируя сочинения по словесности на тему «Учебный и праздничный день», написанные в 1871 г. в Вятской духовной семинарии. Спросив, можно ли подозревать сочинителей в «намеренном искажении действительности», ревизор дал отрицательный ответ. Аргументом для него было сходство всех сочинений: «быт одинаково изображается, и воззрения, чувства и вкусы одинаково высказываются»⁵⁰.

И.К. Зинченко признал, что большинство сочинений семинаристов на эту тему повторяли правила поведения воспитанников, и только 30 содержали заинтересовавшие его подробности. Поскольку процитированные в отчете тексты были оценены на 5, 4 и 3 примерно в равных пропорциях, невозможно судить о склонности более или менее успевающих учеников выбирать такой способ письма. Большинство проанализированных работ были

⁴⁶ Керский С.В. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Костромской епархии в 1873 году. СПб., 1879. С. 24. По-видимому, речь идет о книге «Не хочу учиться, а хочу жениться: (Поучит. историйка для всех холостых и женатых)» (1867).

⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9–9об.

⁴⁸ Миропольский С.И. Отчёт о ревизии духовно-учебных заведений Оренбургской епархии (в 1873 году) СПб., 1873. С. 21–22.

⁴⁹ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 203.

⁵⁰ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 64.

написаны от первого лица или во втором лице, также отсылавшем к автору: «иногда даешь обет Богу, что если тебя не спросят, то вот столько-то денег положу в церковную казну»⁵¹. Особый интерес, однако, представляют сочинения, претендующие на обобщения. Авторы по крайней мере двух таких работ прибегли к выделению «типов» - приёму, широко использованному как в «Очерках бурсы», так и в реалистической литературе 1860-х гг.⁵² Воспитанник Е.В., писавший, что после обеда «бурса обратилась в театр шалостей», идентифицировал среди бурсаков «силача», вызывавшего мериться с ним силами, и «отъявленного негодяя», который «рассказывал своему другу о своих глупых проделках»⁵³. В классификации Н.Г. Помяловского в качестве наиболее уважаемых были перечислены типажи «отпетых, потом силачей, потом голов, выносящих многоградусный хмель»⁵⁴. Кроме буквально совпадения типа «силачей», видимо схожи «отъявленный негодяй» Е.В. и «отпетые» Помяловского, которые у последнего делились на подвиды: «Башка и отчвалый умно гадили начальству, а благой глупо»⁵⁵. Основной деятельностью этого типа были «дикие штуки», которые едва ли могли быть описаны в сочинении по словесности.

В сочинении А.И. понятие «типов» было прямо использовано в описании утра в семинарской столовой: «Какие разнообразные типы они представляют в это время!». В его сочинении интересно не только употребление термина, в изобилии встречающегося в «Очерках бурсы». Это единственный отрывок, где ученик писал о травле семинаристами служителя: «... воспитанники семинарии встали и, от нечего делать, потешаются над служителем, метущим пол в камере, спрашивая его о чём-нибудь; на что он, подтирая свой сопливый нос, отвечает вялым голосом, что и производило громкий смех в наших собеседниках Этот служитель сутуловат, глядит всегда украдкой и постоянно смеется»⁵⁶. Конечно, этому описанию далеко до сцен насилия у Помяловского, но выбранный глагол «потешаются» свидетельствует далеко не о христианских чувствах воспитанников духовного учебного заведения. Кроме того, здесь можно видеть внимание к карикатурным физиологическим характеристикам: «сопливый нос», «сутуловат», на которые Зинченко обратил внимание в сочинениях казанских семинаристов.

Особенно интересен случай конфликта интерпретаций одного сочинения у ревизора и учителя словесности. Ученик А.С., получивший за работу «отлично», писал, что в праздничный день семинаристы «ходят в церковь,

⁵¹ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 65.

⁵² Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60–70-х гг. XIX века. Кандидатская диссертация. Варшава, 2009. С. 5.

⁵³ Зинченко И.К. Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 67.

⁵⁴ Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 64.

плотно и сладко кушают, играют в карты, попивают водочку». Эта фраза, кстати, снимает вопрос о самоцензуре, т. к. карточная игра строго каралась, а употребление алкоголя должно было вести к немедленному отчислению провинившегося. Учитель сделал на полях комментариев «Все это разве бывает?», поставив под сомнение соответствие рассказа реальному положению вещей, т. е. хотя бы отчасти допустив его фикциональный характер. Ревизор, напротив, и здесь опирался на свои наблюдения: застав на одной из квартир употребление пива в учебный день, он посчитал, что в описании нет «ничего невероятного»⁵⁷.

Доказать прямое влияние текста Н.Г. Помяловского на сочинения вятских семинаристов сложно. Предложенная выше интерпретация некоторых отрывков – возможная, но не бесспорная. На мой взгляд, следует говорить не о непосредственном влиянии Помяловского или Никитина, а об особенностях жанра физиологического / этнографического очерка с его стремлением к документальной фиксации действительности⁵⁸, в котором было написано множество произведений 1860-х гг. К.Ю. Зубков пишет, что в силу особенностей жанра «Очерки бурсы» воспринимались читателями как «невывышенное повествование о совершенно конкретных людях»⁵⁹, по аналогии с ними возможно было описать повседневную жизнь любой семинарии. В качестве сравнения можно привести отношение британских читателей из рабочего класса и городских низов к произведениям Ч. Диккенса, проанализированное Д. Роузом. Он предлагает рассматривать влияние Диккенса на стилистику автотекстов, полагая, что заслуга писателя заключалась «не в обращении их (рабочих. – Ю.С.) в какую-то конкретную идеологию, а в возможности выражать себя. Он предоставил набор аллюзий, персонажей, образов и ситуаций, которые могли быть использованы людьми, не обученными выражать свои мысли на бумаге»⁶⁰. Семинаристы могли отнестись к заданию по словесности формально, переписав правила и распорядок дня. Их выбор в пользу другого жанра – свидетельство стремления к выражению себя через литературу, которое могло быть порождено только чтением. Таким образом, в их сочинениях мы видим читателей, заимствующих приемы описания действительности из текстов, не включенных в учебную программу.

Проанализированные отрывки и разногласия в интерпретации учебных работ учителями и чиновниками Учебного комитета дают возможность говорить как о потенциале, так и сложностях работы с сочинениями семинаристов. Сама организация письменных работ как части реформированной

⁵⁷ Зинченко И.К. Отчёт по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. С. 68–69.

⁵⁸ Лукашевич М. Указ. соч. С. 5.

⁵⁹ Зубков К.Ю. Повесть и свидетельство: нарративные тексты о семинаристах 1850–1860-х гг. // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 212.

⁶⁰ Rose J. How historians study reader response: or, what did Jo think of Bleak House? // Literature in the marketplace: Nineteenth-century British publishing and reading practices. Cambridge: Cambridge University Press. P. 209.

учебной программы содержала в себе противоречия. Стремясь поднять сочинения на высокий уровень и отказываясь от старых «схоластических» приёмов обучения письму, члены Учебного комитета не желали превращения учебных работ в литературные и научные труды. В свою очередь ученики, при поддержке части учителей, ставили перед собой именно такие задачи, предполагая, что литературная и публицистическая работа может стать их билетом во взрослую жизнь и облегчит выход из сословия. Некоторые семинаристы, нарушая внутренние регламенты учебного заведения, публиковали свои статьи в светских изданиях и даже получали за них гонорары⁶¹. С другой стороны, именно нарушения давали ревизорам возможность судить о «нравственном состоянии» воспитанников, выявляя знакомство с неподходящими идеями и запрещенными сочинениями. Если бы все семинаристы писали образцовые сочинения, у учителей и ревизоров не было инструмента контроля за их образом мыслей.

Анализ содержания сочинений из жизни семинарии, задававшихся в рамках курса словесности или как специальные задания от ревизоров, показывает их сложность. С одной стороны, «рассказ из испытанного и виденного» предполагал фиксацию жизненного опыта, в том числе таких неприглядных сторон жизни духовной школы как грубость, жестокость и насилие как со стороны учителей, так и в среде самих воспитанников. С другой стороны, выбор языка повествования, отбор эпизодов, концентрация на негативных сторонах жизни может свидетельствовать не о «правдивости» авторов сочинений, фиксировавших «виденное и испытанное», а об их глубоком погружении в современный литературный процесс, намеренное воспроизведение моделей, заимствованных из бестселлеров, уже описавших жизнь бурсы в мрачных тонах. В этом случае сочинения отражают не только непосредственный семинарский опыт, но и читательские практики духовных воспитанников, внимательно знакомившихся с запрещенными для них сочинениями и подражавших им в собственных текстах.

Список литературы:

1. *Зубков К.Ю.* Повесть и свидетельство: нарративные тексты о семинаристах 1850–1860-х гг. // *Новое прошлое.* 2024. № 1. С. 207–216.
2. *Леонтьева Т.Г.* Учебный процесс в духовных семинариях России XIX века по воспоминаниям выпускников // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История.* 2016. № 3. С. 4–16.
3. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М.: НЛЮ, 2015. - 439 с.
4. *Реут А.В.* Сочинения гимназистов для литературных бесед в 1840–1860-е гг.: анализ тематики // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* 2016. № 8 (112). С. 30–38.

⁶¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 68. Л. 73 об., 736 об, 127а.

5. *Leibov R., Vdovin A.* What and How Russian Students Read in School, 1840-1917 // *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia.* Ed. D. Rebacchini, R. Vassena. Vol. 2. Milano: Ledizioni, 2020. P. 259-316.
6. *Rose J.* How historians study reader response: or, what did Jo think of Bleak House? // *Literature in the marketplace: Nineteenth-century British publishing and reading practices.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - 356 p.
7. *Rose J.* The History of Education as the History of Reading // *History of Education.* 2007. Vol. 36. No 4-5. P. 595-605.

Об авторе:

САФРОНОВА Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия, 191187, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

**«A Story from what the Disciple Experienced and Seen»:
Written Works in the System of Theological Education
After the Reform 1867**

Ju.A. Safronova

European university at St.Petersburg, *St.Petersburg, Russia*

The study is devoted to the written works produced by of theological seminaries students. The first part examines the regulation of written work in the documents of the Educational Committee of the Holy Synod after the reform of 1867. It analyzes the ideas of officials regarding correct student work, as well as various violations of the rules identified during revisions of theological seminaries. The second part of the work is focused on the essays of seminarians, written for a course on literary theory or as an assignment given by the auditor of the Educational Committee. For analysis were selected stories from family or school life, including essays on the topic “how I learned to read.” The primary inquiry is whether the essays were inspired by well-known literary works or if they were the product of the authors' naive transcription of real experiences. In several cases we can detect the influence of fiction in the essays, including those directly prohibited to seminarians. Thus, through the essays we examined the reading experience of seminarians, who reproduced models borrowed from popular literary texts, particularly “Essays on the Bursa” by N.G. Pomyalovsky.

Keywords: *history of reading, history of education, literary education, reform of theological educational institutions of 1867, theological seminary.*

About the author:

SAFRONOVA Julia Alexandrovna – Candidate of History, Docent, Department of History, European university at St. Petersburg (Russia, 191187, St.Petersburg, Gagarinskaya st. 6/1A), e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

References:

- Leont'eva T.G., *Uchebnyj process v duhovnyh seminarijah Rossii XIX veka po vospominanijam vpusknikov*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya». 2016, No 3, S. 4–16.
- Manchester L., *Popovichi v miru: duhovenstvo, intelligencija i stanovlenie sovremennogo samosoznanija v Rossii*. M., 2015.
- Reut A.V., *Sochinenija gimnazistov dlja literaturnyh besed v 1840–1860-e gg.: analiz tematiki*, Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2016, No 8 (112), S. 30–38.
- Zubkov K.Yu., *Povest' i svidetel'stvo: narrativnye teksty o seminaristah 1850–1860-h gg.*, Novoe proshloe. 2024, №. 1, S. 207-216.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024 г.

Подписана в печать 25.07.2024 г.